

Бухарин Сергей Николаевич, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института проблем управления РАН;

Ракитянский Николай Митрофанович, доктор психологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

Психолого-политологический анализ феномена лимитрофизации Польши

И всё же всегда существовали две Польши:
одна из них боролась за правду, а другая
пресмыкалась в подлости.

У. Черчилль

Сегодня, как, впрочем, и последние 250 лет, польские интеллектуальная и политическая элиты обижены и разгневаны. Сейм обвиняет русских и украинцев в геноциде польского народа. Немцев "заклеймили" уже давно. От США и Великобритании требуют покаяния за то, что они не оказали помощь участникам Варшавского восстания. Чехия виновата в том, что не собирается возвращать Польше Тешинскую область, а Литва – Вильнюс. Польский бизнес скупили немцы и евреи, поэтому в стране экономический кризис. Недальновидные и глупые американцы отказались размещать на территории Польши элементы ПРО. Евросоюз не предоставляет Польше подобающих её величию полномочий. Короче говоря, – все обижают.

Такая "обиженность" является органичным свойством элиты любого лимитрофного¹ государства. Под этим термином в настоящей статье мы понимаем вовсе не страны, образующие так называемый "санитарный кордон" вокруг России. Например, многие исследователи до сих пор относят к лимитрофным государствам Финляндию. Но это не так. Действительно, Финляндия, как, впрочем, Эстония и Латвия, обрели независимость не без помощи немецких штыков. Но позднее Финляндия выстояла в войне с СССР и, несмотря на внешнее давление, сумела остаться независимой. Её внешняя политика до сих пор таковой является. Однако другие страны "санитарного кордона" не нашли сил и воли сделать это.

Суверенитет сумели отстоять Вьетнам, Индия, Китай, Куба, Венесуэла и многие страны Африки и Латинской Америки. Но оттуда не слышно проклятий в адрес бывших колонизаторов, их парламенты не выносят обвинительных резолюций. Похоже, истерия присуща тем, кому "подарили" мнимую свободу. За этот "подарок" приходиться дорого платить. В общем-то, это положение унизительно, ведь лимитрофы не пользуются уважением.

¹ Лимитроф (букв. "границающий с...") – одно из определений в геополитике, обозначающее окраинные территории с размытым статусом по границам империи.

Пренебрежительные высказывания в адрес стран "санитарного кордона" можно обнаружить в речах многих политиков, например у лидеров англо-французской коалиции, образовавшейся сразу после завершения Первой мировой войны. Так, министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон, который в своё время выдвинул идею создания буферных государств на границах Британской Индии², раздосадованный чрезмерной, на его взгляд, активностью дипломатов получивших независимость стран Прибалтики, обмолвился: "Чего ещё хотят эти... версальские уродцы?!" А начальник польского государства маршал Юзеф Пилсудский позднее отозвался о соседней Чехословакии как об "искусственном и уродливом детище Версаля"³.

Такое пренебрежение порождает комплекс неполноценности. Этим комплексом, в частности, страдают и нынешние элиты стран Балтии, а также некоторых государств Центральной и Восточной Европы, во главе которых теперь стоят не лидеры национально-освободительных движений, а бывшие партийные и комсомольские функционеры. Поскольку народы этих стран не стали жить лучше под их управлением, им ничего не остаётся, как обвинять во всех бедах советское прошлое и "оккупантов". И в этом ряду Польша занимает особое место.

Повторимся – лимитрофами не являются страны, чьи народы своей кровью и потом очертили границы собственных государств. Границы лимитрофных государств устанавливаются не в битвах, определяются не подвижничеством первооткрывателей и миссионеров. Они очерчиваются в ходе международных конференций, например в Версале, Тегеране или Ялте, куда представители лимитрофов даже не допускаются. Назначенные руководители выпрашивают кусочки "спорных" территорий и какие-нибудь привилегии у "хозяев", как это делали, например, Б. Берут и Э. Бенеш.

Есть государства, которые родились лимитрофами, в частности Латвия и Эстония. Есть государства, которые, ещё не успев сформироваться, тут же встали на путь, ведущий к лимитрофии (например, Украина). Силой оружия, через натовские бомбардировки расчленили и "лимитрофизировали" Югославию. США вот уже почти сто лет с переменным успехом занимается лимитрофизацией Латинской Америки и Европы.

Историк Андрей Суздальцев выделяет следующие признаки лимитрофов, окружающих Россию:

- паразитирование на geopolитическом соперничестве внешних сил;
- разогревание противоречий между ними;
- продажа любой из этих сил своей geopolитической ориентации, предложение своих услуг;
- втягивание внешних сил в решение собственных разногласий с Россией, использование их как арбитров;
- попытки создания альтернативных Москве центров политического влияния;

² India Between Two Fires. Nineteenth Century. 1893.

³ Коряевцев П. М. Прибалтийский гамбит. СПб., 2005. URL: <http://antisys.narod.ru/pg.html>.

– антироссийские информационные кампании⁴.

В мировой истории известны государства, которые прошли долгий путь от великих империй до лимитрофов. Если говорить о Польше, то её лимитрофизация начиналась не с Версала и Тегерана, а значительно раньше. Сначала польские магнаты и шляхетство начали приглашать себе королей из Франции, Венгрии, Швеции, Саксонии. Потом польские политические элиты смирились с тем, что королей им стали навязывать. Дальше – больше: польский король, польские магнаты и шляхетство приняли непосредственное участие в разделе собственной родины, поставив согласующие подписи на документах о двух первых разделах. А на церемонию третьего раздела их даже не нашли нужным пригласить.

В чём же причины такого нравственного падения польских элит? Как они докатились до такого положения? Почему не видят своей вины в унизительном положении родины? В данной работе делается попытка разобраться в этих вопросах.

Несколько исторических фактов

Существуют легенды о Земовите, сыне хлебопашца Пяста, по имени которого была названа первая польская правящая династия. Из потомков Пяста вышел князь Мешко (до 992 г.) – первый князь, о котором сохранились достоверные сведения. Во время правления его сына Болеслава Храброго (992–1025 гг.) начинает формироваться польское дворянство – *milites* (рыцарство, получавшее землю за службу князю) и *nobiles* (знать).

В Польше, как и во всей Европе, в Средние века действовала система отношений личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других (сеньоров). Распространение отношений вассалитета, покоившихся на иерархической структуре земельной собственности, было обусловлено необходимостью в условиях слабой центральной власти охранять феодальную собственность на землю и осуществлять меры принуждения в отношении крестьянства. С образованием централизованных феодальных государств происходит вытеснение вассальной военной службы системой наёмных отрядов.

В Польше, в отличие от других европейских государств того времени, отсутствовали какие-либо правовые разграничения внутри рыцарского сословия, т.е. иерархии, разделявшей рыцарей, согласно феодальным принципам, на вассалов и сеньоров, не было. Единственным сеньором многочисленной рыцарской группы был правящий князь, и каждый рыцарь чувствовал себя зависимым только от него⁵.

И польская шляхта, и европейское рыцарство имели общие слабости. Так, среди причин неудачного исхода крестовых походов в Святую землю на первом плане стоит феодальный характер крестоносных ополчений и основанных крестоносцами государств. Для успешной борьбы

⁴ Суздалецев А. Манифест лимитрофной политики. Expertby.org. 2007. Санитарный кордон. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁵ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши : пер. с польск. М. : Весь мир, 2004. С. 72.

с мусульманами требовалась жёсткая централизация, а между тем крестоносцы приносили с собой на Восток феодальную раздробленность и разъединение. Слабая вассальная зависимость предводителей крестоносцев от иерусалимского короля не давала ему реальной власти, так необходимой на границе с мусульманским миром.

Нравственные недостатки крестоносцев, эгоизм их вождей, стремившихся к созданию на Востоке собственных княжеств и к расширению их за счёт соседей (таких же крестоносцев), делали их неспособными подчинять свои личные мотивы более высоким целям. Тем не менее западноевропейские рыцари в течение трёхсот лет, т.е. со времени Клермонского собора (1095 г.) до Гуситских войн (1419–1434 гг.), были охвачены благородной мессианской идеей, а польское рыцарство (шляхетство) всё это время было озабочено собственными привилегиями.

В XIII и XIV вв. польская шляхта ещё не имела политического веса, но уже представляла собой реальную силу и стремилась занять в государстве подобающее место. Шляхта была проникнута корпоративным духом, чувством сословной солидарности и последовательно отстаивала свои интересы, которые, как правило, противоречили интересам других сословий. В Средние века она особенно упорно боролась с духовенством, привилегии которого (взимание десятины, церковная юрисдикция, освобождение от военной службы и податей) становились предметом вожделения шляхты.

Со временем приобретение привилегий стало смыслом существования шляхты. Если на начальном этапе процесс перераспределения прав и обязанностей носил справедливый, а следовательно, конструктивный характер, то в XVII в. он стал деструктивным и в конце концов привёл к потере Польшей государственности.

Приведём хронику борьбы шляхты за свои привилегии.

Уже *привилеи* XIII в. (1229 и 1291 гг.) запрещали князьям увеличивать шляхетские повинности сверх существовавшей нормы⁶. Практика дарования привилегий стала обычной для всего рыцарского сословия гораздо позднее, лишь в следующие столетия, когда завершилось оформление сословных границ. Но уже в первой половине XIV в. шляхтичи присутствовали на общегосударственных съездах в качестве простых зрителей или слушателей, хотя и без права голоса.

Во второй половине XIV в. король Людовик I добился от польской знати признания права наследования польской короны за одной из своих дочерей⁷. За это, согласно Кошицкому *привилею* 1374 г., шляхта была

⁶ URL: <http://infolio.asf.ru/Sprav/Brokgaus/5/5189.htm>.

⁷ Людовик I был сыном венгерского короля Карла Роберта, происходившего из неаполитанской Анжуйской династии, и Елизаветы, дочери Владислава Локотка и сестры Казимира III Великого, последнего короля Польши из династии Пястов. Людовик I постоянно жил в Венгрии, не вникал в происходившие в Польше события и споры за власть, но постоянно требовал денег и стремился восстановить позиции венгров в Галицкой Руси. Из-за отсутствия короля зависимость жизни государства от личности монарха становилась всё слабее.

Людовик I был дважды женат, но, как и Казимир Великий, не имел сыновей. Стремясь сохранить целостность государства, он объявил единственной наследницей свою старшую дочь Марию, которая была замужем за Сигизмундом Люксембургским, сыном

фактически освобождена от поземельного налога (она выплачивала всего два гроша с лана крестьянской земли), а также получила исключительное право занимать должности воевод, каштелянов, судей, подкомориев и пр.

С этого момента политическая эволюция шляхетского сословия продолжилась весьма быстро. После смерти Людовика I шляхта уже представляла собой силу, от которой зависела судьба государства.

XV в. стал периодом напряжённой борьбы рядовой шляхты с правителями (*мажновладцами*), лишь под давлением соглашавшимися пойти на уступки.

До половины XV в. государством ещё управляла аристократия. Отношения изменились после принятия Нешавских статутов 1454 г., ставших важной вехой в формировании польской "шляхетской республики". Эти *привилеи*, предоставленные королём Казимиром IV за поддержку в Тринадцатилетней войне (1454–1466 гг.) и борьбе с магнатами, поставили шляхту на один уровень с *мажновладцами*. В 1505 г. законодательные права шляхты и магнатов ненадолго уравняла сеймовая конституция "ничего нового" (лат. *nihil novi*).

Обретя политическую силу, шляхта ограничила самоуправление крестьянских общин, подчинила их своему контролю, приобретая должности *солтысов* – глав крестьянских общин. Так, Вартский статут 1423 г. включает постановление, на основании которого помещик мог лишить *солтыса* должности за ослушание и сам эту должность занять⁸. Урезав крестьянское самоуправление, шляхта добилась ограничения свободы крестьянских переселений, расширения барщины и, наконец, прикрепления крестьян к земле.

Корыстные интересы побуждали шляхту издавать ограничительные законы и для городского сословия. Так, со времён Тринадцатилетней войны установился обычай облагать города налогами без их согласия. Петрковский статут 1496 г. запретил мещанам приобретать поземельные имения под тем предлогом, что они не принимают участия в военных походах и всяческими способами стараются уклониться от военной службы. Во второй половине XVI в. городские представители уже не участвовали в законодательной деятельности. Более того, шляхта подчинила промышленность и торговлю власти воевод и старост, что привело к упадку благосостояния городов.

С начала XVI в. шляхта уже хозяйствовала в государстве, которое с 1569 г. стало официально называться Речью Посполитой, т.е. республикой.

В 30-е гг. XVI в. под лозунгом "исполнения" (лат. *executio*) прежних прав и возвращения королевских владений сформировалось политическое движение шляхты, получившее название экзекуционистского. Политически активная часть шляхетского сословия стремилась

императора Карла IV. Но после смерти Людовика I в 1382 г. началась борьба за власть, и огромная Анжуйская монархия распалась. Мария стала королевой Венгрии, а младшая, одиннадцатилетняя Ядвига, была коронована "королём" Польши. Факт избрания на престол и сам возраст юной королевы укрепили претензии сословного представительства на участие в управлении государством (см.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши : пер. спольск. М. : Весь мир, 2004. С. 107).

⁸ URL: <http://infolio.asf.ru/Sprav/Brokgaus/5/5189.htm>.

ограничить могущество магнатов, а также добиться влияния на монарха, давая ему, таким образом, шанс укрепить собственную власть. Вместе с тем сила шляхты заключалась в том, что именно она определяла размеры налогов, а это ставило короля в экономическую зависимость. Шляхта воспользовалась этим и начала борьбу и за право выбирать короля. В 1538 г. Сигизмунд Старый пообещал шляхте, что после смерти его сына её представители смогут выбирать королей, а он впредь не будет принимать никаких решений без согласия сейма. Пиком экзекуционистского движения стал Петрковский сейм 1562–1563 гг., который подтвердил необходимость ревизии полученных магнатами прав на владение королевскими землями, которая должна была ослабить позиции знати. Было решено, что четвёртая часть доходов с этих земель (кварта) будет выделяться на содержание постоянной армии. В это же время шляхта попыталась переложить обязанность по защите государственных границ на короля и крепостных. Стремясь обезопасить себя от возможных притеснений со стороны монарха, шляхетство сохранило за собой право на неповиновение королю. Оно также ревниво следило за тем, чтобы раздача владений и должностей не приводила к усилению позиции короля⁹.

Таким образом, в государстве постепенно слабело чувство *corpus regni*, т.е. общей ответственности за его судьбу.

В 1572 г., не оставив наследника, умер Сигизмунд II Август. Между различными группировками шляхты и магнатов начались конфликты, источником которых была процедура избрания нового короля и назначение лица, временно его замещающего.

Избрание в 1573 г. новым монархом Генриха Валуа – представителя французского королевского дома, сопровождалось принятием знаменных "Генриховых артикулов", которые стали синонимом "золотых шляхетских вольностей": принцип свободных выборов короля провозглашался незыблёмы; сейм должен был созываться не реже 1 раза в 2 года; король не имел права самостоятельно вводить новые налоги или созывать *посполитое рушение* (всеобщее шляхетское ополчение); внешняя политика монархии ставилась под контроль сената; шляхта получала от казны вознаграждение за участие в заграничных походах; постоянная армия содержалась только за счёт вышеупомянутой кварты; наконец, шляхте гарантировалось право отказать королю в послушании в случае неисполнения им законов Речи Посполитой, вводился институт сенаторов-резидентов для контроля за деятельностью монарха. Фактически у короля оставалось только одно существенное право – назначать на государственные должности¹⁰.

С введением института выборов короля процесс саморазрушения польского государства приобрёл лавинообразный характер. Чтобы быть избранным, кандидаты в короли выдавали шляхте всё новые и новые привилегии, а та перестала считаться с монархом и, как следствие, с государственными интересами Речи Посполитой. Личное стало выше

⁹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши : пер. спольск. М. : Весь мир, 2004. С. 157–158.

¹⁰ История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и новое время / под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. 2-е изд. М., 2001. С. 185–186.

общественного. В Польше утвердился своеобразный политический строй так называемой "шляхетской демократии".

Однако с усилением имущественного расслоения шляхты усилилась и роль магнатерии. Польская "шляхетская демократия" переросла в режим магнатской олигархии, который установился в Польше приблизительно с середины XVII в.

С этого момента начинается упадок Речи Посполитой. В 1652 г. в сейме впервые был применён на практике принцип *liberum veto* (свободное *veto*), согласно которому решения могли приниматься только единогласно. В историю вошло имя шляхтича В. Сициньского, который, не согласившись с предложением продлить заседание сейма, демонстративно покинул зал. Этот случай имел весьма серьёзные последствия для судьбы Польши. "Принципы демократии" были доведены до абсурда, а государство ввергнуто в хаос. Впрочем, подавляющему большинству польских историков, политических деятелей и полонофилов во всём мире "шляхетская демократия" с её *liberum veto* представляется великим достижением человечества. Все беды Речи Посполитой они объясняют не эгоизмом и корыстностью шляхты, а кознями вероломных соседей.

В своё время крылатая гусарская кавалерия была одним из наиболее известных символов Речи Посполитой, прочно ассоциировавшимся с могуществом польской армии на полях сражений в период, когда государство находилось на пике своего могущества и простипалось "от моря и до моря". Ещё в XVII в. она была "лучшей кавалерией христианского мира". Но одновременно с упадком самой Речи Посполитой приходит в упадок и она. Если в 1706 г. гусары ещё сражались при Калише, то позднее они фактически превратились в декоративное, церемониальное воинское формирование, предназначенное скорее для парадов и смотров, чем для войны. Из-за их частого появления в погребальных кортежах знатных лиц гусар вскоре стали именовать "погребальным войском".

Духовная жизнь магнатерии и шляхетства

Начало Реформации не вызвало в Польше потрясений и практически не встретило сопротивления. Многие отворачивались от католицизма по причине его глубочайшего упадка. Высшее духовенство вело светский образ жизни, с небрежением относясь к своим церковным обязанностям. К тому же всем вероисповеданиям в начале XVI в. был присущ определённый антиклерикализм, а многие представители католического епископата, бывшие в большей степени гуманистами и политиками, чем духовными лицами, способствовали своим образом жизни и взглядами распространению протестантских учений.

Для шляхетства же Реформация была явлением поверхностным и не имела под собой серьёзного теологического фундамента. И именно поэтому, как считается, многие представители шляхты со временем вернулись в лоно католицизма. Шляхта защищала только Речь Посполитую, а в ней – своё право на религиозную свободу; свобода же как высшая ценность принималась всеми. Поэтому не исполнялись королевские эдикты (например, 1551 г.), поэтому шляхта всех религиозных ориентаций

поддержала в 1563–1565 гг. отмену права церковных судов принимать решения по светским делам. Поэтому польские католики выступали категорически против преследований на религиозной почве, понимая, что если начать с крестьян, то скоро дело дойдёт и до шляхты. Поэтому продолжались ожесточённые дискуссии, доходило даже до жёсткого противостояния, но религия так и не стала ареной насильственной борьбы. Общее дело, каким было государство, в достаточной степени поглощало внимание шляхты, а её заботы о своём материальном положении не способствовали распространению радикальных настроений. Шляхта, контролирующая власть в стране, была заинтересована в том, чтобы религиозные споры не привели к гражданской войне¹¹.

Представителям этого сословия аскеза¹² была несвойственна, они отличались меркантильностью, стремились к комфорту и не хотели рисковать своей властью.

Для анализа ментальных структур в картине мира Е. Е. Стефанский оперирует понятием "код культуры", понимая его как "сетку", которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его¹³. В структуре польского менталитета среди таких кодов культуры, как соматический, пространственный, временной и предметный, именно *религиозно-католический* код является ключевым. Религиозная вера глубже проникает во внутреннюю жизнь человека, чем, например, его политico-экономические убеждения, и гораздо сильнее действует на его представления о себе и его отношение к близким в пределах семьи, общества и государства. Основы вероучения переходят в быт, обращаются в предания, проникают в плоть и кровь народа и в конце концов проявляются и в его политическом поведении. Невозможно говорить о политических идеалах польского менталитета иначе, как в совокупности с его религиозными стремлениями. Самы поляки прослеживают связь своей истории с западным мировоззрением вообще, и католичеством – в особенности¹⁴.

В Польше путь в высшее духовенство был открыт только лицам из аристократического сословия, из магнатов и шляхты, т.е. из родовитого дворянства. Мещанству и тем более крестьянству доступа туда не было совершенно. Католицизм в Польше изначально был главным образом

¹¹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши : пер. с польск. М. : Весь мир, 2004. С. 181.

¹² Аскеза – добровольное принятие на себя трудностей, усилие, которое человек должен приложить, чтобы очиститься для общения с Богом. Аскеза – это победа человека над похотью, страстями и инстинктом. Патриарх Кирилл определяет аскезу как способность регулировать своё потребление, в том числе и с помощью идей и состояния души: "Важно, чтобы этим качеством владели и богатые, и бедные. Вот ответ церкви..." Польские элиты никогда не желали добровольно принимать на себя подобные трудности.

¹³ Стефанский Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков) : автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра. филол. наук. Волгоград, 2009.

¹⁴ Федченков В. Духовный лик Польши // Наш современник. 2004. № 9. URL: <http://nash-sovremennik.ru/main.php?m=mpage>.

"панской религией"¹⁵. Именно поэтому папский Рим всегда имел в своём распоряжении достаточно способов, чтобы заставить польских правителей считаться со своей волей. Все, кто хоть сколько-нибудь прикасался к изучению польского вопроса, понимают, какое колоссальное влияние оказало католическое духовенство на поляков и польскую историю. В Польше Папа всегда держал в своих руках небольшую, но влиятельную аристократическую группу духовных магнатов и через них осуществлял свою политику, сущность которой заключалась в продвижении католической ментальной экспансии на Восток. Именно поэтому Польша в глазах Рима выдвинулась на первое место в деле окатоличивания русских и стала его форпостом на Востоке Европы¹⁶.

Миф о благородстве, свободолюбии и демократических идеалах шляхты

Убедительные свидетельства о шляхетском национальном характере оставил Фаддей Булгарин. Это был незаурядный человек с интересной и бурной судьбой. Настоящее его имя было Тадеуш – так называл его отец, сражавшийся в мятежных войсках Т. Костюшко. Сам Фаддей в своё время вступил в войну на стороне Наполеона: принимал участие в подавлении испанских восстаний, с конницей Понятовского шёл на Москву. Потом, правда, как и многие "свободолюбивые" и мятежные шляхтичи, присягнул русскому императору и занялся журналистикой и литературой. Булгарин был наполовину поляком, обладал большим обаянием и невероятной коммуникабельностью, входил в дома Радзивиллов, Чарторыйских, Потоцких. О польских нравах, которые хорошо знал, он писал: "В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а своеволие..." или "Мелкая шляхта, буйная и непросвещённая, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил её, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои с тем условием, чтобы быть битой не на голой земле, а на ковре, презирая, однако же, из глупой гордости занятие торговлей и ремёслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии¹⁷ положение их было гораздо хуже негров..."¹⁸. Например, по воспоминаниям французского инженера де Боплана¹⁹, написанным им в середине XVII в., шляхтичи служили у него возницами.

¹⁵ Ничего подобного в России (и в православных странах вообще) никогда не было: наше духовенство было несравненно более народным или даже выходило из недр крестьянства. Аристократы были скорее редкостью.

¹⁶ Федченков В. Указ. соч.

¹⁷ С середины XVI до конца XVIII в. входили в состав Речи Посполитой.

¹⁸ Цит. по: Куняев С. Шляхта и мы // Наш современник. № 5, 2002. URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/kunyaev1.htm>.

¹⁹ Гийом Левассер де Боплан (ок. 1595–1685 гг.) – французский инженер и военный картограф, с начала 1630-х гг. до 1648 г. находился на польской службе, преимущественно на территории Украины.

Таким образом, среди шляхтичей существовала своеобразная иерархия. Были шляхтичи "первого, второго и... т.д. сорта". "Низкосортные" пресмыкались перед "высокосортными". Богатые шляхтичи могли отобрать собственность у бедных. Те считали счастьем отдать в наложницы какому-нибудь Радзивиллу своих дочерей и младших сестёр.

При этом короля все без исключения шляхтичи воспринимали как равного себе "пани-братьи" и всегда отстаивали своё право на *рокошь*²⁰.

В истории крайне редко встречаются этносы с подавленным архетипом "авторитет". "Авторитет" – это фундаментальный адаптивный архетип, который определяет поведение человека или группы людей в экстремальных ситуациях. Во всём мире люди, когда им трудно принять какое-либо решение, действуют, подчиняясь рекомендациям и командам "авторитета". Это вполне естественно, ибо "авторитет" – это человек, обладающий большим умом и жизненным опытом. Данный архетип, как и все фундаментальные архетипы, сформированные на заре истории, помогал человечеству выживать. У шляхты же этот архетип атрофировался напрочь, что значительно снизило её "выживаемость".

Основными занятиями большинства шляхтичей в мирное время были охота, танцы и прочие галантные увеселения. В это время воинскую повинность, например хождение в караул, за них несли *хлопы*.

Подавляющее большинство шляхтичей презирали *хлопов*, называя их "быдло", "пся крев" и прочими унизительными кличками.

В XVIII в. польский шляхетский сейм издал постановление, требовавшее, чтобы белорусы пользовались во всех государственных учреждениях только польским языком. Православные в ту эпоху не имели права занимать государственные должности. Все церковные трёбы – крещения, браки, похороны, совершались только с разрешения ксёндза. А жили белорусы, по описанию польского литератора тех времён Сташица, так: "Я вижу миллионы творений, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или сермягой; все они высохшие, обнищавшие, обросшие волосами... Наружность их с первого взгляда выказывает больше сходства со зверем, чем с человеком... пища их – хлеб из непросеянной муки... А в течение четверти года – одна мякина..."²¹

Даже бедные шляхтичи резко дистанцировали себя от холопов. Истинные шляхтичи предпочли бы умереть от голода, но не опозорили бы себя физическим трудом. Их отличал особый "гонор" (от лат. *honor* – честь), который часто оказывался не более чем чванливым высокомерием, заносчивостью и спесью. Существует миф о том, что шляхта якобы обладала обострённым чувством собственного достоинства и демонстративной храбростью. (Обратите внимание, что исследователи польской шляхты и польских элит свои статьи всегда начинают с фразы о храбости, доблести и благородстве, отдавая им, так сказать, должное, а потом переходят к "отдельным недостаткам".) Но это – миф, который не соответствует действительности. Может ли называться благородным и просвещённым

²⁰ Шляхетская конфедерация, направленная против короля.

²¹ Цит. по: Куняев С. Указ. соч.

сословие, которое всю свою долгую историю с таким варварством относились к военнопленным и собственным крестьянам²²?

Так что же в польской "шляхетской демократии" представляется некоторым "великим достижением человечества"? Дворянский беспредел на фоне бесправности простого народа, который не мог найти защиты даже у короля? Вот уж, действительно, одна страна – две нации, две Польши.

О праве на рокош

В биологии для описания сложной системы отношений между различными популяциями и конкретной средой, в которой они существуют, используется термин биоценоз²³. По аналогии с этим системным понятием допустимо, по нашему мнению, анализировать отношения в социуме, используя понятие "психоценоз".

По определению А. И. Юрьева, "психоценоз" – это совокупность людей с различными психологическими свойствами, особенностями, состояниями, которые составляют политическое общество²⁴. При этом психологические особенности людей могут радикально различаться. Развитому обществу приходится считаться с тем, что психологические различия между людьми и целыми социальными группами неустранимы. Тем не менее людям с различными психологическими качествами и свойствами приходится существовать в единой социально-политической системе.

"Психоценоз" – это система равновесно-динамическая, которая стремится в конечном счёте к гармоническим отношениям в социуме, состоящем из разнообразных психологических типов. Когда по каким-либо причинам равновесие нарушается, то среди его многочисленных последствий общество (как правители, так и обыватели) нередко неожиданно для себя обнаруживает некоторые весьма неприятные политические явления.

Политическая система в Польше исторически складывалась таким образом, что определённые преимущества стремилось получить и получало шляхетство как наиболее активная, пассионарная часть общества. Однако, превысив меру необходимого, получив свои "*привилеи*" в избытке, оно нарушило равновесие в обществе и государстве.

Шляхтичам нравилось называть себя рыцарями. В "Этимологическом словаре русского языка" мы находим: "*Рыцарь*. Др.-рус. заимств. из польск. яз., где *rycerz*<ср.-в.нем. *ritter* – всадник"²⁵. "Словарь иностранных слов" говорит, что рыцарь – это "самоотверженный, велиодушный и благородный человек"²⁶. В. В. Колесов пишет, что русские

²² В Российской империи тоже было крепостничество, и холопов господа тоже не всегда жаловали, нередко были жестоки. Но в России никто и никогда не называл таких господ "просвещёнными демократами".

²³ Совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих конкретный участок, которая характеризуется определёнными отношениями между составляющими её видами, а также между ними и окружающей средой.

²⁴ Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 1992. С. 148–155.

²⁵ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина, 1994. С. 279.

²⁶ Словарь иностранных слов. 19-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1990. С. 450.

историки и философы тосковали о том, что Русь–Россия не знала рыцарства. Он приводит слова И. Ильина: "Спасение России в воспитании и укреплении рыцарства". Признаки рыцарства, указанные философом, совмещают в себе признаки героя и святого. Но в своём исследовании В. В. Колесов говорит о "рыцаре больших дорог", который "служит добру", только если это не входит в противоречие с нуждами собственного его *добра – имущества, уже накопленного...* В России разбойник оставался разбойником. В Европе разбойник стал рыцарем²⁷.

Шляхетство объединило людей с такими психологическими качествами, как стремление к свободе (как они её понимали). Эта мобильная, динамичная социально-политическая группа изначально складывалась из людей амбициозных, склонных к алчности, авантюризму и доминированию. Каждый шляхтич считал себя выше других и, что было для них естественно, отрицал общепринятые нормы. Для шляхтича существовал только один авторитет – авторитет реальной силы. Совокупность людей с этими и некоторыми другими особенностями, о которых мы скажем ниже, в психологии и психиатрии составляют психопатический тип, который ассоциируется с психологией бессознательного²⁸.

Определённая критическая масса вооружённых, социально безответственных людей в конкретном политическом контексте, не уравновешенная другой политической силой, правовыми основами жизни или внутренним сдерживающим началом (моралью и нравственностью), начинает вести себя как относительно автономное, весьма эгоистически-агрессивное и непредсказуемое политическое образование. При этом такая группа противопоставляет себя не только обществу, но и центральной власти. Наш анализ исторических событий даёт основание предполагать, что борьба шляхты за право на *рокошь* в известной мере может объясняться и этими психологическими причинами, хотя, очевидно, только ими не исчерпывается.

О шляхетских комплексах

Польский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы Чеслав Милош писал: "Начало всему – XVI и XVII вв. Польский язык – язык господ, к тому же господ просвещённых, олицетворял изысканность и вкус на востоке до самого Полоцка и Киева. Московия была землёй варваров, с которыми, как с татарвой, вели на окраинах войны..."

Поляки так или иначе ощущали своё превосходство. Их бесило какое-то оловянное спокойствие в глубине русского характера, долготерпение русских, их упрямство...

Своё поражение в войне поляки встретили недоуменно... Побеждённые презирали победителей, не видя в них ни малейших достоинств²⁹.

Начальный этап процесса становления шляхетского сословия носил позитивный характер. Именно тогда Польша достигла пика своего

²⁷ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 152.

²⁸ Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А. И. Юрьева. – СПб. : Logos, 2006. – С. 15.

²⁹ Цит. по: Куниев С. Указ. соч.

могущества. Однако в "золотом" XVI в. начался закат польской государственности. Шляхта в то время сосредоточила в своих руках практически всю полноту власти и лишилась стимулов к развитию. Началось разложение правящей элиты. Каждый, даже самый захудалый шляхтич считал себя ровней королю. Любой "шляхтич В. Сицинский" мог воспользоваться правом *вето* и парализовать деятельность государства.

Шляхте не были свойственны религиозный фанатизм и аскетизм. Не служение Богу, а личное благополучие определяло их образ жизни. Именно это сословие обладало монополией на власть, и только поэтому Реформация в Польше прошла без потрясений. Кроме того, шляхетству не нужны были и гражданские войны. И здесь меркантильный интерес брал верх над религиозным убеждением.

Чувство абсолютной власти подавляло волю, притупляло чувство самосохранения. Шляхта перестала ощущать опасность, поэтому отказалась перечислять деньги на содержание армии. Шляхтичи и польская аристократия стали гнушаться трудом, в том числе ратным. Их не привлекали морские просторы, они не испытывали желания плавать за моря. А в это время их соседи на Балтике – датчане, бельгийцы и голландцы – совершили множество географических открытий и создали могущественные морские империи.

Этому на первый взгляд непонятному факту есть простое объяснение. Освоение морских просторов и колонизация заморских земель является задачей стратегической, а следовательно, государственной. Масштабная колонизация была возможна только при непосредственном участии правящих династий, пассионарных политических элит и органов центральной власти. Примером тому служат Португалия, Испания, Великобритания, Голландия, Франция и др. (Правда, истории известны и факты стихийной колонизации – викинги, например, "в частном порядке" освоили Исландию и Гренландию.)

В Польше роль государства была сведена к нулю, и поляки оказались не способны не только решать, но и ставить стратегические задачи. Пассионарный потенциал нации не был организован властью для великих свершений, а сгорел во внутренних междуусобицах. Именно поэтому Речь Посполитая, имевшая даровой выход к морю, так не стала морской державой. Этим же обстоятельством можно объяснить и бесплодность попыток польских аристократов и шляхетства восстановить суверенитет страны.

Шляхтичи и аристократы не хотели более воевать и стали приглашать для своей защиты иностранные армии. Так, для подавления последнего крупного православного восстания Гонты и Желязняка (1768 г.) они привлекли российские войска под руководством генерала Кречетникова. Восстание было подавлено. Ивана Гонту и его сподвижников как граждан Речи Посполитой выдали полякам. Вот тут-то шляхта повеселилась! С Гонты сняли двенадцать полос кожи, после чего четвертовали. Тело его было разрублено на множество кусков, которые потом прибили на установленные в малороссийских городах виселицы. На подобные казни, как на представления, стекались представители "демократической" шляхты с жёнами, детьми и немощными родителями.

В 1794 г. А. В. Суворов подавил польское восстание под предводительством Т. Костюшко. Но тогда уже не было никаких средневековых зверств, была лишь передача победителям сабель восставших, суд, а затем амнистия. Император Павел I лично пришёл в камеру лидера повстанцев Т. Костюшко и вместе со свободой даровал ему земли, деньги, дорогую одежду, а в ответ тот присягнул на верность российскому императору. Кстати, так делали все лидеры знаменитых польских восстаний. Интересный и много говорящий о менталитете шляхетства факт.

"У нас перед глазами, – писал историк С. М. Соловьёв о Польше, пригласившей на свой трон саксонского курфюрста вместе с его армией, – страшный пример того, к чему ведёт отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведёт войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью... Тщетно люди предусмотрительные, патриоты, указывали на гибельные следствия отсутствия сильного войска в государстве континентальном, указывали, как Польша теряет от этого всякое значение; тщетно на сеймах ставился вопрос о необходимости усиления войска: эта необходимость признавалась всеми; но когда речь заходила о средствах для войска, о пожертвованиях, то не доходили ни до какого решения, и страна оставалась беззащитной, в унизительном положении. Когда всякий сосед под видом друга, союзника, мог для своих целей вводить в неё войско и кормить его на её счёт. От нежелания содержать своё войско, от нежелания жертвовать... принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотреть, как оно пустошило страну"³⁰.

А В. Кожинов о событиях, случившихся гораздо позднее, пишет так: "По сведениям, собранным Б. Урланисом, в ходе югославского сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского – почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского – 33 тысячи (из 35 миллионов). Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!"³¹

Продолжая эту тему, С. Кунияев пишет следующее: "Но ведь всё же воевали поляки – и в Европе в английских частях (армия Андерса), и в составе наших войск, и в 1939 г. во время немецкого блицкрига, длившегося 28 дней? Да, воевали. Но общая цифра погибших за родину польских военнослужащих – 123 тысячи человек, 0,3 % всего населения – от 35 миллионов. Наши прямые военные потери – около 9 миллионов человек. Это 5 % населения страны. Немцы потеряли (чисто германские потери) 5 миллионов солдат и офицеров – около 7 % населения..."

В таких страстных войнах, какой была Вторая мировая, тремя десятыми процента – такой малой кровью – Родину не спасёшь и независимость не отстоишь, никакие гениальные фильмы не помогут. В жестоких и судьбоносных войнах XX века сложилась одна арифметическая закономерность. В настоящих, опытных, боевых, хорошо организованных армиях, воодушевлённых либо высокими идеями патриотизма, либо

³⁰ Цит. по: Кунияев С. Указ. соч.

³¹ Кожинов В. В. Россия. Век XX (1939–1964). М. 1999. URL: <http://www.hrono.ru/libris/kozhin20vek.html>.

агрессивной, тоталитарной пропагандой, соотношение павших на поле брани солдат и офицеров приблизительно таково: на десять солдат погибал один офицер. Эта цифра – свидетельство мужества офицеров, разделявших в роковые минуты судьбу своих подчинённых. Это – норма хорошей армии. Она приблизительно одинакова и для армии советской, и для немецкой. Если офицеров гибнет гораздо больше (1:3, как во французской), значит, армия, несмотря на мужество офицеров, плохо подготовлена. А если наоборот? В борьбе за независимость Польши на одного офицера погибало 32 солдата. Может быть, польские офицеры – а среди них ведь было немало и младших – умели успешно прятаться за солдатские спины?"³²

Психологический анализ феномена польской элиты

Антон Кемпински, выдающийся польский психиатр и философ, так характеризует ментальные особенности поляков: "Героически-самоубийственная нота нам не чужда. Пожалуй, ни один народ не начинает своего гимна словами о том, что отчизна *ещё* не погибла"³³.

Возможно, эта героически-самоубийственная нота является своеобразным ответом поляков на *dolor existential* – "боль существования", которая является специфической чертой человека. Он всегда стремится каким-то способом уменьшить напряжение этой "экзистенциальной боли". Трудно оценить, в какой степени в каждом человеке присутствуют самодеструктивные тенденции. Во всяком случае, самоубийство можно считать чисто человеческим проявлением. Немного найдётся людей, у которых никогда не мелькала мысль покончить с собой.

Используя одну из психиатрических типологий, А. Кемпински полагает, что в менталитете польского общества присутствуют как истерические, так и психастенические проявления. Истерические особенности, по его мнению, лучше всего характеризует польский *шлягон*³⁴ – это стремление импонировать окружению (тщеславие), производить чисто внешний эффект, безгранична фантазия, чувства бурные, но поверхностные, легко и быстро переходящие от одной крайности к другой.

Напротив, психастенические особенности лучше всего выражает фигура польского крестьянина, рядового труженика. Это человек тихий, покладистый, избегающий споров, имеющий о себе низкое мнение. Он охотно провалился бы сквозь землю, чтобы никому не мешать. В определённой степени эти два личностных типа дополняют друг друга так, что общество, состоящее из таких людей, может существовать при условии, что одни заседают, а другие работают.

Исчезли и шляхтич, и польский крестьянин, но исторически закреплённые типы мышления, чувствования и поведения сохранились.

К. Маркс был прав, утверждая, что "традиции всех мёртвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых"³⁵. Типично шляхетское

³² Цит. по: Куняев С. Указ. соч.

³³ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. : Совершенство, 1998. С. 169.

³⁴ Шлягон – грубоватый шляхтич.

³⁵ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М. : Политиздат, 1983. С. 8.

фанфаронство и крестьянское усердие можно наблюдать и сегодня. Оба описанных Кемпински противоположных, на первый взгляд, типа связывают одно общее качество: и для одного, и для другого главным вопросом жизни является вопрос "Что другие обо мне подумают?" При этом "истерик" стремится завоевать одобрение окружающих внешним блеском и фанфаронством, а "психастеник" – тихой обязательностью, покладистостью и добротой³⁶.

Подобные типы поведения свидетельствуют о любовании "автопортретом", образом своего "я" (*self-concept*). Пользуясь распространённым сегодня в психологии и психиатрии определением, можно было бы сказать, что в этом выражается определённая психическая незрелость – инфантилизм. В то время как важнейшим качеством психической зрелости является рефлексия – умение объективно воспринимать самого себя и способность адекватно ответить на вопрос "Каковы МЫ?" Именно развитие рефлексии позволяет преодолевать психологический инфантилизм. Кемпински вполне обоснованно утверждает, что "инфантанизация является одной из опасностей современной цивилизации"³⁷.

Психологи и психиатры считают, что истерическая и психастеническая доминанты (основные признаки) говорят о слабом взаимодействии личности с социальным и политическим контекстом. Общественная роль первых – баламутить, смущать покой, энергично призывать, но не вести по-настоящему к какой-то значимой цели. В отличие от рефлексивной личности таким людям свойственны реактивное мышление, неспособность работать с отрицательной обратной связью и, как следствие, сниженная субъектность, безответственность, а также позёрство, нарциссизм, завышенная самооценка, потребность в обожании со стороны других, эгоцентризм и иждивенческие тенденции. Такие люди неспособны к длительному напряжению во имя целей, не приносящих лавров и восхищения окружающих. В политике – это бессовестные популисты-краснобаи, легко меняющие из тщеславия и личной выгоды линию своего поведения. Проблему "быть или казаться" они решают в пользу последнего.

Для второго, психастенического, типа характерна пассивно-стратительная позиция, неуверенность в себе, излишняя чувствительность, обострённое чувство опасности, беспомощность перед лицом грубоści и жестокости. Такие люди руководствуются не столько стремлением достичь успеха, сколько желанием избежать неудачи. Они проявляют уступчивость и не претендуют на лидирующие позиции, им свойственна конформность, покорность и жертвенность, приверженность морально-нравственным традициям³⁸.

Следуя логике А. Кемпински, нельзя не сказать об одном весьма значимом, энергетически сильном, но вместе с тем инфантильном качестве польского национального менталитета, который и до настоящего времени ярко и выразительно представлен в политическом поведении элит. В. Федченков определяет его как "гонор" – гордость, но не слишком

³⁶ Кемпински А. Указ. соч. С. 166–174.

³⁷ Там же. С. 100.

³⁸ Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. М. : Ин-т прикл. психол., 1997. С. 90–92, 102–106.

глубокую, а поверхностную, быструю, вспыльчивую, постоянно возгорающуюся. Он пишет: "И куда бы вы ни обратились, что бы вы ни читали, где вы слышите это несчастное губительное слово – гордость, честь... Храбрость шляхты перешла в её кастовую гордыню, выработался деспотизм: всякий в своём поместье хотел быть почти королём"³⁹.

Всякий польский шляхтич был убеждён, что "рождён для короны", т.е. путь к престолу перед ним открыт. Такое убеждение порождало инфантильное и фальшивое понятие о собственном величии. Всякий был уверен, что создан для сабли, а не для пера, не для писательства даже, а тем более не для торговли, не для "чёрной" работы⁴⁰.

В психологической и психиатрической научной литературе такой тип определяется как психопатический. Люди этого типа часто ведут себя без оглядки на социальные и этические нормы. Их отличает высокий уровень притязаний, пренебрежение к интересам других, неспособность организовать свою деятельность в соответствии с устойчивыми мнениями, интересами и целями. Они не желают учитывать последствия своих действий, не умеют извлекать пользу из собственного опыта⁴¹. Им свойственно противодействовать внешнему давлению, опираться в основном на собственное мнение, а ещё больше – на сиюминутные побуждения. В состоянии аффективной увлечённости, азарта у них преобладают эмоции гнева или восхищения, гордости или презрения, т.е. ярко выраженные, полярные по знаку эмоции, причём контроль со стороны разума нередко отсутствует. Потребность гордиться собой и вызывать восхищение окружающих – это насущная потребность для личностей данного типа, в противном случае эмоции трансформируются в гнев, презрение и протест.

Как правило, завышенная самооценка позволяет им рационализировать своё импульсивное поведение, провозглашая необязательными для себя обязательные для всех остальных нормы и правила. Недостаточно развитая способность прогнозировать события избавляет их от страха перед возможными негативными последствиями своих поступков. При этом они могут влиять на судьбы других людей, но эта возможность зависит от того, насколько зреющим и независимым от сиюминутных побуждений является представитель данного типа. Такие люди могут восприниматься окружающими как яркие, мужественные, героические личности, склонные к подвигу и самопожертвованию.

Психопатическая доминанта польской элиты формировалась и воспроизводилась в течение нескольких веков. Так, особенностью политического развития Польши было то обстоятельство, что сословная монархия не стала в ней ступенью к абсолютизму. С XVI и до XIX в. Речь Посполитая являла собой уникальный для истории пример существования магнатско-шляхетской республики в монархическом облачении, в которой народом считались лишь шляхтичи. Не только крепостные, но и городские

³⁹ Цит. по: Федченков В. Указ. соч.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Березин Ф. Б., Миронников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые особенности применения. М. : Фолиум, 1994.

мещане, включая бургомистров Данцига (Гданьска), Торна (Торуня) и других центров со значительным немецким населением, были лишены политических прав⁴². Представляется обоснованным мнение, что главная причина трагической судьбы Речи Посполитой – невиданный в Европе, ничем не скомпенсированный внутренний социальный развал. Наивно было бы ожидать, что энергичные соседи станут с голубиной кротостью взирать на то, как Польша слабеет под бременем раздоров дворянских группировок и казацких восстаний, и не попытаются реализовать свои территориальные притязания⁴³.

В. Федченков приводит следующие цитаты из "Польского катехизиса для революционеров": "Старайся всеми мерами... нажиться за счёт русской казны: это не есть лихоимство; ибо, обирая русскую казну, ты через то самое обессиливаешь враждебное тебе государство и обогащаешь свою родину... И Святая Церковь (католическая) простит тебе такое преступление; Сам Господь Бог, запретивший убивать ближнего, разрешает через святых мужей обнажать оружие на покорение врага Израилева". "Помни, что Россия – первый твой враг, а православный есть раскольник (схизматик); и потому не совестись лицемерить и уверять, что русские – твои кровные братья, что ты ничего против них не имеешь, а только – против правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому..." Во время восстания 1863 г. против Российской империи газета революционных кругов "Независимость" писала: "Польша – это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира, с целью расколоть его в щепы"⁴⁴. Действительно, уж о Польше-то вполне можно сказать, что религия, и именно католическая, всегда имела и до сих пор ещё имеет там огромное значение. Не уяснив этого, нельзя понять Польши, её истории и её падения.

С этим проявлением польского менталитета связана целая цепь других болезненных последствий. Возьмём, например, упоминавшееся выше так называемое *либерум вето* (известный польский феномен), которое в сочетании с продажностью шляхетско-магнатского сословия превращало само понятие государственной власти в фикцию⁴⁵. Так, за 17 лет правления Августа II (1717–1733 гг.) из 18 созванных сеймов 11 было сорвано, а 2 закончились безрезультатно. В мире не было другого народа, который пользовался бы таким неограниченным, точнее – необузданым, правом голоса. Из этой "золотой свободы" выросла другая болезнь: безначалие, о чём постоянно говорят не только историки, но и сами поляки. У них даже сложилась парадоксальная поговорка: "Польша непорядком держится". Одновременно с этим исследователи польского менталитета отмечают другие свойства поляков: необычайную возбудимость, горячность, вспыльчивость, восприимчивость и нетерпеливость.

Не раз за последние два столетия Польша оказывалась в крайней опасности. Но... Варшаву осаждали враги – а паны закатывали балы...

⁴² Федченков В. Указ. соч.

⁴³ Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой. Екатерина II и Французская революция // Новая и новейшая история. 2001. № 6.

⁴⁴ Цит. по: Федченков В. Указ. соч.

⁴⁵ Виноградов В. Н. Указ. соч.

(так при короле Станиславе Понятовском решалась судьба Польши). Или: сейм не смог принять решение об ограничении *либерум вето* и предоставлении некоторых прав низшим классам – а король тут же задаёт пир на четыре тысячи человек. Бал для поляков – первое дело⁴⁶.

Георгий Гачев, автор замечательного эссе "Польша", преисполненного симпатии и любви к полякам, с горечью пишет: "Такое создаётся впечатление, что тут постоянно пируют и танцуют и весело жизнь препровождают. Немногозаботливость. Бесшабашность. Радость бытия вкушается сразу, а не откладывается на потом, про запас... Недаром и гимн Польши – это мазурка Добровского, плясовой ритм, а не марш. И кто-то там заметил: "Проплясали поляки свободу Польши"⁴⁷.

Согласимся ещё раз с В. Федченковым, по мнению которого сам Костюшко, этот прославленный (и недаром!) национальный герой Польши, недостаточно подготовился к восстанию против таких сильных противников, как Россия и Пруссия (героическая инфантильность?). Его соратники выступили, даже не дождавшись его. Впоследствии на допросе в Петербурге один из русских друзей Костюшко на вопрос, почему он выступил на стороне поляков, объяснял: "Восстание было плодом отчаяния и безумной поспешности; увлечённые воображением, они (поляки) легко принимали признаки за надежды, надежды за вероятности; легко было предвидеть бездну, которая нас поглотит; и я был в отчаянии; я добивался только ран, добился до них и до тягостного плена"⁴⁸.

В манифесте польского сейма от 6 декабря 1830 г. цели восстания сформулировались людьми, явно страдавшими манией величия: "...Не допустить до Европы дикой орды Севера... Защитить права европейских народов..."

Через тридцать с лишним лет во время польского восстания 1863 г. немецкий историк Ф. Смит жёстко высмеет маниакальные идеи авторов манифеста: "Не говоря уже о крайней самонадеянности, с которой 4 миллиона людей пытались покровительствовать 160 миллионам, поляки хотели ещё уверить, что предприняли свою революцию за Австрию и Пруссию, дабы "служить им оплотом против России".

Кстати, о январском восстании 1863 г. профессор истории Януш Тазбир пишет: "Это же было просто безумие... мы пошли в бой без оружия. Между прочим, манифест повстанческого правительства 1863 года был написан вовсе не кем-то из политиков, а поэтессой Ильницкой, которая верила, что одного только энтузиазма достаточно, чтобы враг был разгромлен. Друцкий-Любецкий, который был величайшим польским финансовым гением, в момент, когда вспыхнуло восстание 1830 года, был абсолютно убеждён, что где-то есть командующий со штабом, который всем этим руководит, но он так ловко законспирирован, что русские его не могут схватить. А когда он узнал, что нет никакого командующего и никакого штаба, то велел собрать дорожные сундуки и уехал в Петербург,

⁴⁶ Виноградов В. Н. Указ. соч.

⁴⁷ Гачев Г. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. С. 238.

⁴⁸ Цит. по: Федченков В. Указ. соч.

ибо считал, что всё это не имеет никакого смысла... Восстание не имело ни малейших шансов на успех..."⁴⁹

Другой поляк, некий Мстислав Годлевский, в польской газете "Нива" за 1872 г. пишет: "Под влиянием внешних обстоятельств мы привыкли увлекаться фантазией и обманывать себя, как бы нарочно. К сожалению, даже и доселе мы неохотно взвешиваем условия нашего быта трезвым рассудком; любим преувеличивать свои силы и достоинства, рассчитывать на счастливую случайность и на несуществующую мощь; а, наконец, выжидать, сложа руки, лучших времён". Про русских же он пишет: "Даже и заклятый враг не может не признать за русскими политического смысла. Это – их несомненный дар... А нас Господь Бог наделил... великим качеством – геройством; но не даровал нам другого качества: политического благородства и повиновения своим властям; сам же народ потерял в себе совесть"⁵⁰.

* * *

В течение столетий у политической и интеллектуальной элиты Польши складывался сложный, противоречивый психологический комплекс: с одной стороны, ощущение собственного бессилия что-либо сделать, отвращение к труду, неспособность на жертву, отсутствие готовности к жестоким испытаниям, с другой – ничем не обоснованное чувство собственного превосходства, тщеславие, ложная убеждённость в своём благородстве, правоте, величии. Эта противоречивость не позволяет польским аристократам и шляхтичам объективно разобраться в причинах всех своих бед. А причина здесь – они сами. Как оказалось, польская элита не способна в этом признаться.

Именно этот комплекс объясняет, казалось бы, необъяснимое варварство благоднейшей шляхты. Становится понятным, почему в 1920 г. её представители сожгли в Киеве генерал-губернаторский дворец, здание четвёртой гимназии, пакгаузы на товарной станции, сухарный завод и все четыре моста через Днепр (до них власть в Киеве менялась двенадцать раз, но на мосты никто не посягнул⁵¹). Чуть позднее шляхтичи стёрли с лица земли сотни православных храмов, многие из которых имели мировую культурную ценность.

Всё тот же комплекс в немалой степени влиял на внешнюю политику Польши и после обретения ею "независимости".

Пространный исторический экскурс подтверждает результаты нашего анализа гипотетической ментальной картины польской политической элиты. В её психологическом портрете мы выделяем три главные исторически сложившиеся и в настоящее время актуализированные психологические особенности (доминанты): *истероидную, психопатическую и психастеническую*.

Первые две доминанты в настоящее время играют ведущую роль, блокируя политическую субъектность польской политической элиты.

⁴⁹ Цит. по: Куняев С. Указ. соч.

⁵⁰ Цит. по: Федченков В. Указ. соч.

⁵¹ Куняев С. Указ. соч.

Её выраженная ментальная инфантильность, её неумение и нежелание работать с отрицательной обратной связью усугубляется аффективностью и сниженным уровнем политической рефлексии стоящих у власти. Истероидная и психопатическая доминанты ограничивают возможности концептуального и стратегического мышления политических субъектов.

После Второй мировой войны первые две доминанты были в известной мере скомпенсированы деятельностью Польской объединённой рабочей партии, идеологией пролетарского интернационализма и "братских славянских народов". Они также в известной мере блокировались обязательствами членства в Организации Варшавского договора и Совете экономической взаимопомощи.

По мере ослабления влияния СССР и усиления ментальной экспансии США истероидная и психопатическая доминанты были реактивированы. Это проявилось в деятельности "Солидарности" и продолжается в настоящее время в виде откровенно русофобской, враждебной позиции польского руководства по отношению к России. Эти главные особенности менталитета польской политической элиты весьма профессионально используются новыми, безусловными для Польши авторитетами, имеющими реальную власть. И результатом этого является сохранение политически бессубъектной, лимитрофной роли современной Польши.